

ВЕРОНИКА О'КИН
психиатр, нейробиолог

ЛАВКА СТАРЬЕВЩИКА,

или Как мы создаем воспоминания,
а воспоминания формируют нас

18+

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ

Психологические открытия. Книги,
которые невозможно пропустить

Вероника О'Кин

**Лавка старьевщика, или Как
мы создаем воспоминания, а
воспоминания формируют нас**

«ЭКСМО»

2021

УДК 159.953.3

ББК 88.3

О'Кин В.

Лавка старьевщика, или Как мы создаем воспоминания, а воспоминания формируют нас / В. О'Кин — «Эксмо», 2021 — (Психологические открытия. Книги, которые невозможно пропустить)

ISBN 978-5-04-193058-5

Сразу после родов Эдит перестала заботиться о своем малыше. Мать была убеждена, что ребенок в ее руках не тот, кого она родила. Эдит верила, что малыша, а затем и мужа подменили злые силы, а вокруг нее заговор. Именно эта история положила начало долгому научному исследованию психиатра Вероники О'Кин о природе памяти. Почему воспоминания заставляют переживать события заново и мы в подробностях помним то, чего на самом деле не было? Автор приводит пронзительные истории своих пациентов, в которые трудно поверить. На протяжении 36 лет она исследует мозг и отвечает на вопросы: почему воспоминания могут вызывать в нас дрожь; как мы можем ощущать запахи и прикосновения, которых нет на самом деле; каким образом память формирует нас и определяет будущее каждого. Вы узнаете главную тайну мозга и каким образом фольклор и литература помогают ученым в изучении памяти. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 159.953.3

ББК 88.3

ISBN 978-5-04-193058-5

© О'Кин В., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Предисловие	7
Часть I. Как мы создаем воспоминания	9
1. Новый взгляд на память	9
2. Чувственный опыт: исходный ингредиент памяти	15
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Вероника О'Кин
Лавка старьевщика, или Как
мы создаем воспоминания, а
воспоминания формируют нас

Посвящается Эстер и Шону

Действительно, о чем или о ком я вправе сказать: «Это я знаю»? Я могу ощутить сердце в моей груди и утверждать, что оно существует. Я могу потрогать вещи окружающего меня мира и утверждать, что он существует. Но на этом моя наука кончается, все остальное – лишь построения ума.

Альбер Камю. Миф о Сизифе (1955)¹

Veronica O'Keane
THE RAG AND BONE SHOP:
How We Make Memories and Memories Make Us
Copyright © Veronica O'Keane, 2021

© Чечина А.А., перевод на русский язык, 2023
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

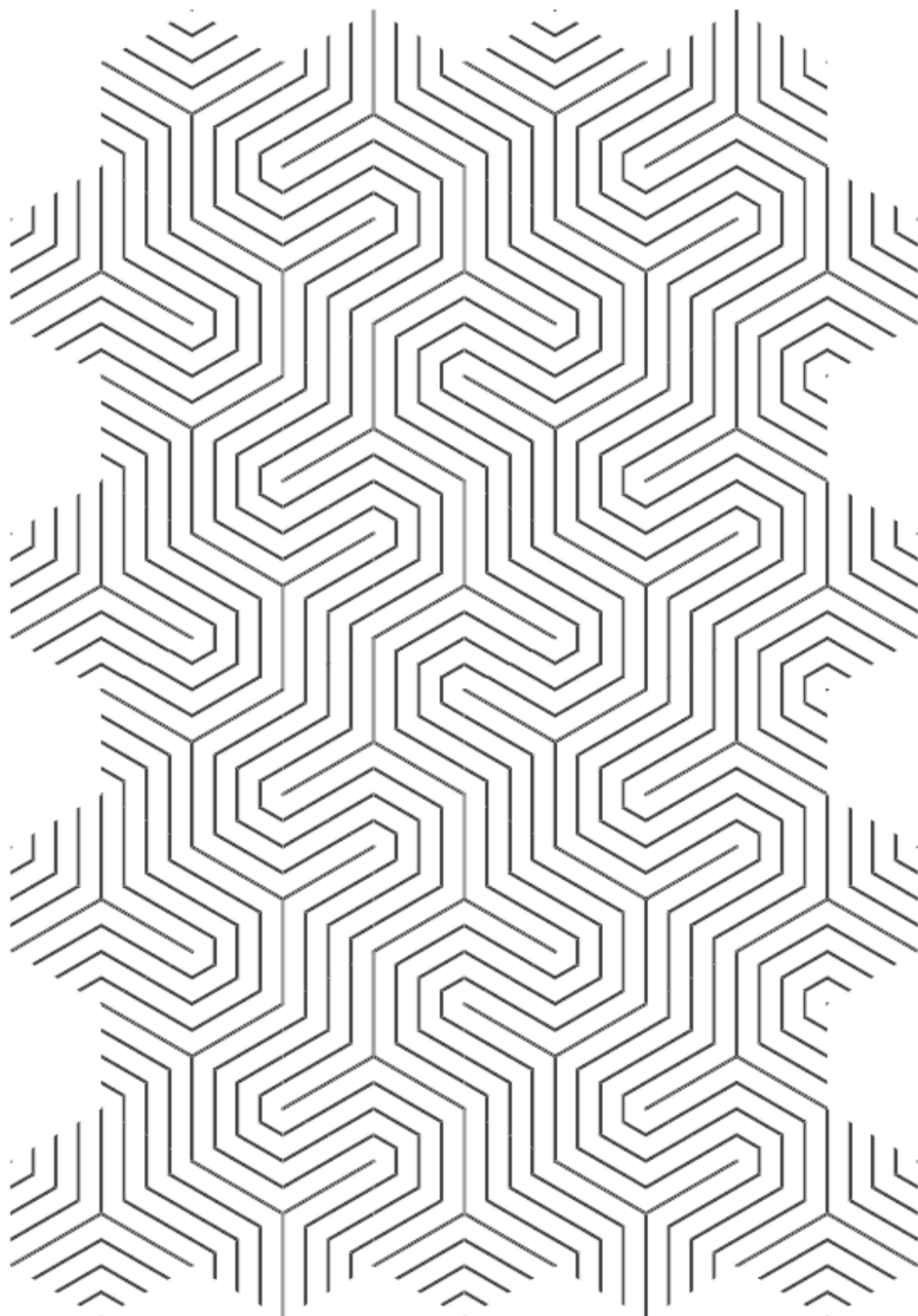
Москва 2023

Предисловие

О чем эта книга? Как известно, знаменитый роман Пруста, в основу которого легли его детские воспоминания, называется *A la Recherche du Temps Perdu*. В 1954 году заглавие перевели на английский язык как «Воспоминания о прошлом» (*Remembrance of Things Past*), но в издании 1992 года поменяли на более точный перевод: «В поисках утраченного времени» (*In Search of Lost Time*). Именно о таких вещах мы и поговорим на следующих страницах. Первый вариант подразумевает пассивное извлечение воспоминаний из скрытого и фиксированного хранилища, в то время как второй – активное восстановление зыбкого прошлого. В промежутке между переводами нейронаука почти догнала великого писателя.

ПРИМЕЧАНИЯ

Ссылки на художественные произведения и краткие пояснительные примечания даны в сносках. Расширенные примечания обозначены римскими цифрами и приведены на с. 345. Ссылки на научные статьи обозначены арабскими цифрами; полный библиографический список приведен на с. 332.

Часть I. Как мы создаем воспоминания

1. Новый взгляд на память

В жизни каждого человека происходят события, вызывающие странное чувство – мы как будто заранее знаем, что они навсегда останутся в памяти. Иногда такое чувство бывает особенно сильным и приносит с собой ощущение нового уровня осознания. Это осознание нельзя выразить словами; оно подобно дребезжанию чашек во время незаметных подземных толчков. «Маленькое землетрясение», подтолкнувшее меня к изучению подлинной природы памяти, случилось в Лондоне в начале 2000-х годов. В ретроспективе этот инцидент напоминает вступительную сцену в романе: автор излагает компоненты будущей истории с нарочитой небрежностью, но каждая такая деталь ведет к единственно возможному финалу. История Эдит заставила меня пересмотреть почти все мои прежние представления о памяти. Эти знания дались мне автоматически, но не затрагивали материальную суть того, что значит быть чувствующим, живым человеком, наделенным памятью, форму которой придает индивидуальный опыт.

Я познакомилась с Эдит в Бетлемской Королевской больнице – старейшем психиатрическом учреждении в мире, ныне входящем в состав более современной больницы Модсли, которая, в отличие от Бетлема, никогда не пользовалась дурной славой. Здание Бетлема было построено в 1247 году; позже здесь устроили больницу для умалишенных – печально известный Бедлам. Со временем это название стало именем нарицательным, обозначающим хаос и беспорядок. В начале XX века Бедлам переименовали в Бетлемскую Королевскую больницу. Лечебные корпуса занимали площадь в сто с лишним акров, заросших конским каштаном и орешником. В начале 2000-х годов я пять лет проработала ведущим клиницистом в Национальном перинатальном психиатрическом отделении: к счастью, его не коснулись сокращения кадрового состава и финансирования, с которыми в последние годы столкнулась британская система здравоохранения. На лечение к нам направляли женщин со всей страны; большинство страдали перинатальными психическими заболеваниями – расстройствами, возникающими во время беременности или в послеродовой период.

Недалеко от входа в наше отделение барсуки прокопали в земле гигантский туннель. Каждое утро, по дороге на работу, я останавливалась перед травянистым холмиком и смотрела на вход в их жилище: вдруг папа-барсук, охраняя сон своего семейства (барсуки – ночные животные), возьмет да и высунется при свете дня. В те годы я курсировала между Лондоном и Дублином; каждую неделю двое моих малышей, оставшихся в Ирландии, с нетерпением ждали известий о том, что я наконец-то видела барсуков. Напрасно! Вместо барсуков им приходилось довольствоваться весной и летом высушенными цветами, а поздней осенью – орехами и каштанами. Мне нравилось работать в Бетлеме: нравилось возвращать к жизни женщин, измученных тяжелой болезнью под названием «послеродовой психоз». Большинство пациенток в нашем отделении страдали именно этим заболеванием. Хотя это расстройство нечасто упоминается в литературе, оно достаточно распространено: в одной только Великобритании ежегодно регистрируется примерно 1400 случаев послеродового психоза. Эдит поступила в Бетлем через несколько недель после родов. Вот ее история.

Своего первого ребенка Эдит родила в 34 года; до этого времени никаких психических расстройств у нее не было. Появления малыша на свет ждали с большим нетерпением. Беременность протекала нормально; сканирование плода не выявило никаких аномалий. Роды прошли без осложнений. Мальчик родился в срок и был абсолютно здоров. Спустя

несколько дней после рождения ребенка у Эдит появились первые признаки эмоциональной отчужденности. Она казалась подавленной и озабоченной, но никому не рассказывала о причине своих беспокойств. Ее состояние быстро ухудшалось; к моменту госпитализации она перестала принимать пищу и бесцельно бродила по дому днем и ночью, игнорируя малыша и весь остальной мир. В итоге семейный врач направил ее к нам на обследование и лечение. Увидев Эдит, я отметила, что она была необычайно худенькая, хотя родила меньше двух недель назад. У нее были густые темно-каштановые короткие волосы и угловатое маленькое лицо с «каменным» выражением. Она не издавала никаких звуков и не отвечала на вопросы.

«Безэмоциональное» выражение лица и замкнутость типичны для психотиков. Женщины с послеродовым психозом часто слышат голоса, которые не слышны другим, чувствуют запахи (обычно неприятные), которые отсутствуют во внешнем мире, и ощущают прикосновения без видимого физического воздействия. Слуховые, обонятельные, зрительные и соматические (тактильные или висцеральные) галлюцинации относят к психотическим симптомам. Первое правило, которого необходимо придерживаться в подобных случаях, состоит в следующем: так называемые симптомы представляют собой реальный чувственный опыт. Звуки или человеческие голоса, которые слышит пациент, – это субъективные переживания вне зависимости от того, исходят они из внешнего мира или генерируются в мозге в результате патологического возбуждения нейронов. Сам опыт – звук или голос – одинаков в обоих случаях; происхождение этого ощущения – отдельный вопрос. Если опыт порожден патологическим возбуждением нейронов, человек автоматически пытается установить источник голоса или звука.

На первый взгляд кажется, будто пациенты со слуховыми галлюцинациями разговаривают сами с собой, тогда как в действительности они реагируют на голоса, которые для них так же реальны, как голос живого человека.

В результате психотик оказывается в изоляции; он пойман в ловушку чувственного мира, представляющего собой неверную интерпретацию сенсорных сигналов. Многие приходят к убеждению, что наделены особым даром, который не доступен другим, так называемым «шестым чувством». В большинстве случаев больные списывают свои субъективные переживания, расходящиеся с опытом окружающих их людей, на происки невидимых сил – призраков, магию, божества или, например, дьявола, как это сделала Эдит.

Эдит была настолько поглощена своими яркими переживаниями, что утратила всякую способность реагировать на мир внешних сенсорных стимулов. Как и большинство женщин, страдающих послеродовым психозом, она находилась в состоянии измененного сознания и была словно оторвана от окружающего мира. В ходе обследования я заметила, что Эдит иногда смотрит мне прямо в глаза, иногда крепко зажмуривается, а иногда поворачивается к другим врачам. Очевидно, направление ее взгляда менялось в зависимости от источника голосов, которые она слышала в своей голове. Ее движения были неестественными и бесцельными. Она была напряжена, но всеми силами старалась скрыть смущение и страх. Мы понимали, что Эдит реагирует на сенсорные раздражители, которые исходят не из внешнего мира, а изнутри – что у нее послеродовой психоз.

Эдит перестала заботиться о своем малыше. Она «знала», что этот ребенок – не тот мальчик, которого она родила, хотя выглядел он точно так же. Ее настоящий ребенок не мог источать запаха разложения. Получается, малыша каким-то образом подменили. Вначале Эдит не была уверена, что

именно произошло: то ли ее родного ребенка забрали и заменили точной копией, то ли в мальчика вселилась какая-то нечистая сила, возможно дьявол. По дороге в больницу Эдит проходила мимо местного кладбища. Заглянув в ворота, она заметила покосившийся надгробный памятник и решила, что под ним похоронен ее малыш. Хотя сам памятник был старый, некоторое время назад могилу явно вскрывали. Надгробие потому и покосилось, что недавно его потревожили. Значит, ее нынешний ребенок не настоящий. Покончив с новорожденным, злые силы взялись за саму Эдит и заперли ее в «психушке».

Когда Эдит положили в больницу, она не сказала об этом ни мне, ни кому-либо еще: тем самым она бы разоблачила себя и потерпела окончательное поражение. Для нее все мы были участниками заговора и хотели ее обмануть. «Только притворившись, что я ничего не знаю, я могу спастись, – очевидно, думала она. – Я ничего не должна говорить». Судя по всему, Эдит приняла правила игры и старалась рассказывать как можно меньше.

Многие женщины, страдающие послеродовым психозом, убеждены, что близкие им люди, особенно новорожденные дети, заменены двойниками. Это явление называется синдромом Капгра, в честь врача, который, по-видимому, первым его описал. Я говорю «по-видимому», поскольку идея подмены детей восходит к древнейшим историям, сказкам. Мы еще вернемся к вопросу сказок в конце книги.

Помимо малыша Эдит считала самозванцем и своего супруга. Он – точнее его двойник – тоже участвовал в заговоре с целью причинить ей вред. Она рассказала об этом только несколько месяцев спустя, уже после выздоровления. Мысль о преследовании злыми силами вызвала у Эдит такой ужас, что она неоднократно пыталась сбежать из больницы. Кроме того, женщина отказывалась принимать лекарства, которые, как она полагала, либо убьют ее, либо в лучшем случае ослабят способность сопротивляться. Согласно ее искреннему убеждению, она была последней, от кого надлежало избавиться; как только злые силы одержат над ней верх, в мире будет установлен новый порядок. Эдит не сомневалась, что муж-самозванец и весь персонал больницы вознамерились ее «извести». Жесты злонамеренных интриганов несли в себе смысл, ничто больше не было случайным и несущественным. Никто не был тем, кем казался; ее одержимая семья, будучи в сговоре с другими, забрала ее ребенка, убила его и закопала на местном кладбище.

Мы решили, что для Эдит будет небезопасно покидать отделение, и назначили антипсихотические препараты. Через несколько дней подавленность стала менее выраженной, и женщина начала реагировать на окружающих. Две недели спустя, когда психоз отступил, Эдит сообщила, что очень переживает из-за разлуки с малышом (теперь она не сомневалась, что он был ее родным ребенком) и хочет с ним воссоединиться. Когда супруг принес мальчика в отделение, она так обрадовалась, что даже расплакалась. Я не могу представить, какую бурю эмоций она испытала в тот момент, но среди них точно были эмоции, свойственные большинству новоявленных матерей. С каждым днем ее состояние улучшалось, и спустя три недели Эдит покинула наше отделение. Хотя на тот момент у нее не осталось ни малейших признаков психоза, она была глубоко потрясена тем, что с ней произошло.

В течение последующих месяцев Эдит наблюдалась в моей амбулаторной клинике. Во время одного из регулярных визитов она рассказала о своих

переживаниях в психотическом состоянии. После начала лечения голоса постепенно стихли до шепота, стали реже и, наконец, окончательно смолкли. Мысли о том, что супруг и ребенок были заменены двойниками, исчезли, а вместе с ними и параноидальная идея о заговоре, в котором якобы состояли все вокруг, включая медицинский персонал. Эдит стыдилась своего поведения, особенно по отношению к малышу, и хотела оставить весь эпизод в прошлом. Кроме того, женщина опасалась, что, если она поделится своим опытом с другими людьми, они могут счесть, будто она представляет опасность для ребенка. До госпитализации Эдит мало что знала о психозе и никогда не слышала термина «послеродовой психоз». Ее представление о себе перевернулось с ног на голову. Я объяснила, что психоз – это болезнь, вызванная резкими изменениями гормонального фона во время родов, которые повлияли на работу мозга. В результате определенные его зоны активировались без видимой причины, создавая субъективные переживания, которые в действительности возникали не извне, как ей казалось, а изнутри.

Субъективный опыт – то, с чего должно начинаться всякое объяснение психоза. Все ощущения, будь то голоса, запахи, прикосновения, зрительные образы, «психотические» или «реальные», вызванные агентами во внешнем мире или патологической активностью нейронов, срабатывающих в отсутствие видимой стимуляции, переживаются как реальные. Мы с Эдит установили, что ее переживания субъективно воспринимались как подлинные, а значит, были субъективно реальными. Мы говорили о таких ощущениях как о реальных, не забывая при этом, что они носили психотический характер.

Я снова и снова вспоминала разговор, который произошел уже после выписки. Я спросила Эдит, были ли у нее мимолетные психотические мысли о ребенке или муже после возвращения домой. Эдит ответила, что они действительно возникали на ранних стадиях выздоровления, но с течением времени практически исчезли. Она призналась, что, проходя мимо кладбища по дороге в клинику, снова увидела надгробие, которое привлекло ее внимание несколько месяцев назад, перед принудительной госпитализацией. Это был тот самый памятник, под которым якобы был похоронен ее младенец. Глядя на покосившееся надгробие, Эдит на мгновение «переместилась» в прошлое: она будто снова шла в больницу, куда ее «заперли» самозванцы, заменившие близких ей людей. Вместе с прежними убеждениями вернулось и чувство ужаса. Я спросила ее, осознавала ли она, что в этот второй раз психотические мысли не были реальными. Ее ответ стал отправной точкой в моих исследованиях памяти, растянувшихся на долгие годы. Она посмотрела прямо на меня и сказала: «Да... но воспоминания реальны».

Так я узнала, что память Эдит существовала в виде дискретного органического единства – как вспышка прошлого, флешбэк. Что такое флешбэк, если не заново пережитое воспоминание? В сознании Эдит промежуток времени между событием и воспоминанием о нем стерся, в результате чего оно было пережито снова, вызвав соответствующие эмоции. Репереживание было настолько интенсивным, что полностью затмило все знания о психозе, которые она накопила до тех пор. Эдит знала, что у нее был психоз, что его вылечили и что теперь ей лучше, знала, что ее ребенок дома – что он не оборотень, что он не умер и не похоронен на местном кладбище и т. д., – но в тот момент все это отступило на задний план. *Воспоминание было реальным.*

Прустова способность Эдит повторно переживать события прошлого как нереконструированный сенсорный опыт – визуальный и эмоциональный и, казалось бы, не зависящий от времени, – побудила меня забыть обо всех концепциях памяти, которых я придерживалась до сих пор. До нашего разговора я думала о памяти исключительно сквозь призму анатомических основ, которым учат студентов в медицинском институте, психологических теорий, усвоенных

в ходе клинической подготовки, мнемонических трудностей, которые возникают при заболеваниях мозга и с которыми борются врачи, нейровизуализационных и молекулярных исследований, публикуемых в психиатрических журналах. Для меня память была скорее некой абстракцией, почерпнутой из разных хранилищ знаний. Если бы Эдит не сказала, что вид надгробия напомнил ей о больнице и что, увидев его снова, она пережила флешбэк, я, вероятно, продолжила бы довольствоваться этим плоским пониманием памяти.

Итак, один из первых многочисленных уроков, которые преподала мне Эдит, состоял в том, что за теоретическими построениями психологии и клиническими классификациями психиатрии я не видела главного – субъективного опыта. Сэмюэл Беккет, блестящий наблюдатель человеческих страданий, любимец интеллектуалов, писал: «Я не интеллектуал. Я есть только чувство». Эта фраза находит во мне особый отклик. Потому в этой книге я решила воздержаться от интеллектуальных объяснений и любых теорий, включая базовые классификации памяти; вместо этого я постараюсь проследить путь, который проходит воспоминание от сенсорных ощущений и внутренних чувств до нейронных решеток, отвечающих за память¹.

В следующих главах я изложу некоторые вопросы, которые возникли у меня после работы с Эдит, а также возможные ответы на них, основанные на наблюдениях и научных экспериментах. Как зрительный образ вызывает живое воспоминание? Какой механизм позволяет нам переживать вновь события прошлого и чувствовать? В чем разница между эмоционально окрашенным воспоминанием и воспоминанием, которое не ощущается, а как бы «мыслится»? Почему Эдит приписала идею о подмене ребенка своим странным сенсорным переживаниям – голосам и запаху разложения? Если воспоминание Эдит о надгробии как о месте захоронения ее малыша было истинным, что же тогда составляет ложное воспоминание?

Исследуя нейрональный субстрат памяти, мы узнаем, как эмоциональные и чувственные состояния внутренне связаны с формированием воспоминаний и опытом их воспроизведения. Мы рассмотрим некоторые из моих собственных профессиональных и автобиографических воспоминаний и, надеюсь, стимулирую неспешный анализ ваших собственных. В течение тридцати шести лет я наблюдала, лечила и изучала аффективные и психотические расстройства. Помимо знаний, почерпнутых в ходе клинической практики, психиатры должны разбираться в фармакологии, неврологии и психологии. И все же, на мой взгляд, наша главная компетенция – компетенция, которой обладают исключительно психиатры, – состоит в понимании природы опыта, в том, что мы называем феноменологией. Мы классифицируем некоторые переживания как нормальные, другие – как аномальные, третьи – как патологические. Меня интересуют не столько различия между нормальным и аномальным опытом, сколько нейронные механизмы, отвечающие за *формирование* этого опыта. В поисках его нейронных основ можно начать с чего угодно – с ощущений, познания или эмоций, – но все это в конечном счете приведет к памяти. Память объединяет то, что мы знаем, и то, что мы чувствуем; это та среда, через которую человек фильтрует свои текущие сознательные и несознательные переживания.

Еще один фундаментальный урок, который преподала мне Эдит, заключается в следующем: *о переживаниях нормального человека легче узнать от людей, которым свойственны ненормальные переживания.*

Уильям Джеймс, психолог конца XIX века и брат известного романиста Генри, писал: «Изучение ненормального – лучший способ понять нормальное». Итак, отправная точка для меня – больные вроде Эдит, демонстрирующие всю сложность и запутанность памяти в том виде, в каком они проявляются в реальной жизни. Я помню своих пациентов по многим причинам: одних – из-за удивительной стойкости и самопринятия, других – из-за нетипичности их симптомов, третьих – потому что я никак не могла понять, что с ними не так. Необъяснимые симптомы остаются в моей памяти, иногда в течение многих лет, пока благодаря новому взгляду на загадку внезапно не находится ответ. Именно такие пациенты в первую очередь

и подтолкнули меня к изучению – поиску и выявлению мозговых механизмов – чувственного опыта. Как говорил Генри Джеймс, брат менее известного Уильяма: «Сомнения – наша страсть».

Воспоминание Эдит о надгробии, хотя и скрытое, прекрасно сохранилось... как и воспоминание о барсуке, которого я никогда не видела. Барсучья нора неизменно вызывает в моей памяти образ моих маленьких детей и чувство упущенных возможностей тех драгоценных лет, что уже не вернутся: когда для меня время летело с невероятной скоростью, для них, как и для всех детей, оно, должно быть, стояло на месте. Личные воспоминания могут варьироваться от ярчайших чувственных и эмоциональных репереживаний, свойственных Эдит, до образов, вызывающих лишь смутные ощущения эмоций – легкую грусть, мимолетный прилив любви, почти незаметную боль потери, оттенок сожаления – которые сейчас переживаю я, сидя за письменным столом. Что значит нейронная сеть памяти, которая прежде казалась мне такой понятной, в мире человеческого опыта? Именно этот вопрос я и хочу исследовать с вами в этой книге.

2. Чувственный опыт: исходный ингредиент памяти

*Всякое восприятие уже есть память.
Анри Бергсон. Материя и память. 1896*

Знаменитая новелла «Желтые обои» была написана феминисткой Шарлоттой Перкинс Гилман и опубликована в 1892 году. Это произведение относится к жанру готической литературы; с одной стороны, его можно рассматривать как отражение женской доли в девятнадцатом веке, а с другой – как увлекательный рассказ от первого лица о послеродовом психозе. Поначалу изящные, аккуратные описания наводят на мысль, будто главная героиня – сама Шарлотта – любимая жена доброго и заботливого мужа Джона, однако по ходу повествования мы понимаем, что в действительности женщина заперта в детской «под самой крышей»² огромного и почти необитаемого колониального особняка. Она не говорит, где находится этот особняк, но сообщает читателю, что переехала туда на лето и что живет в детской одна. Впервые прочитав эту историю, я заподозрила, что на самом деле речь идет о психиатрической больнице – окна закрыты решетками, дверь на лестницу заперта, на стене висят металлические кольца, а кровать прибита к полу. Женщина пребывает в состоянии крайней «нервозности... Хотя никто не догадывается, каких усилий мне стоит то малое, на что я способна – одеваться, развлекать гостей и выглядеть радушной хозяйкой... Плачу по пустякам – почти все время». В детскую изредка наведываются три человека: муж главной героини, «врач с хорошей репутацией», ее брат, тоже известный врач, и сестра мужа, домработница, которая ухаживает за главной героиней и которую она называет «сестрой» (я думаю, что это медсестра). Ребенок Шарлотты, «с которым она *не может* быть», оставлен на попечение Мэри. Почему Шарлотте не разрешают видиться с ребенком? Она не в состоянии заботиться о нем? Не испытывает к нему эмоциональной привязанности? Или представляет для него опасность?

Героине «запрещено трудиться», ей предписан полный покой, но вопреки запретам она тайком ведет дневник, которым и делится с читателем. Ни Джон, ни сестра не знают о дневнике. Вскоре она становится буквально одержимой узорами на потрепанных желтых обоях с замысловатым рисунком: «Я нашла на обоях такие вещи, о которых никто, кроме меня, не узнает – даже если захочет! За внешним рисунком каждый день появляются смутные формы». Она видит – чувствует – как под обоями что-то движется. Это женщина, «которая быстро ползет по узорам рисунка». По ночам она пробирается в комнату и ползает по полу. Несколько раз наша героиня видит ее даже днем, в саду. Кроме того, обои издают запах – «нежный, почти неуловимый, и в то же время самый стойкий из всего, что мне приходилось встречать... Я знаю только то, что он похож на цвет обоев – желтый запах!» Те, кто не читал эту новеллу, легко могут найти ее в Интернете. Она небольшая – всего 6000 слов.

Как и все великие литературные произведения, «Желтые обои» можно интерпретировать на разных уровнях. Прежде всего, это история об отношении к женщинам. Как мы видим, психически больных всячески ограничивают, сажают под замок и лишают сенсорной стимуляции; со здоровыми обращаются как с истеричками и в целом считают их интеллектуально и морально уступающим мужчинам. Это история об удушающей, покровительственной патриархии общества девятнадцатого века и медицинской профессии. Впрочем, «Желтые обои» не только великолепный образец феминистской литературы, исследованный вдоль и поперек. После рождения ребенка Шарлотта Перкинс Гилман действительно заболела. В своем письме к знаменитому врачу Сайласу Уиру Митчеллу она жалуется на «душевные муки», возникшие «с момента появления малыша на свет», «ужасные мысли», «периоды возбуждения», бессонницу,

---

² Здесь и далее цит. по изданию: Гилман Ш. Желтые обои // Темное благословение: сборник. – М.: Рипол Классик, 2002.

приступы иступления. Временами ей кажется, что она ведет себя как истеричка или слабоумная. В заключение она пишет, что боится потерять «память полностью», и умоляет ей помочь².

В новелле «Желтые обои» описаны все ключевые симптомы послеродового психоза: отсутствие новорожденного рядом с матерью; ошибочное отождествление врачей с мужем и братом, а медсестры – с золовкой; странная и отталкивающая обонятельная галлюцинация, характеризующаяся относительной устойчивостью; зрительные и тактильные галлюцинации; замешательство; попытки обмануть других, якобы состоящих в заговоре; упоминания о желании сжечь дом и тем самым избавиться от запаха. Героиня рассказывает, как отгрызла кусок дерева от угла кровати и спрятала веревку, чтобы поймать таинственную женщину, когда та в следующий раз вылезет из-за обоев... К концу новеллы мы узнаем в ползающей женщине ее саму. Подобная развязка отражает распад чувства собственного «Я», типичного для психотических состояний. На первый взгляд «Желтые обои» – загадочная история, не лишенная внутренней согласованности, а по сути – блестящий рассказ о женщине, пытающейся привнести некую, пусть даже поверхностную, связность в свои хаотические галлюцинаторные переживания.

В этой новелле автор описывает свои ощущения такими, какие они есть. Она не выглядит «сумасшедшей». Ее переживания кажутся странными, но мир вообще странное место. Она *ощущает* присутствие женщины, она *чувствует* ее за обоями, видит ее фигуру в движущихся узорах и, наконец, *видит* ее во плоти после того, как та выползает из-за невидимой решетки. Она *слышит* ее стоны и чувствует ужасный «стойкий запах». Эти галлюцинаторные ощущения не только переживаются, но и описываются в дневнике как абсолютно реальные. Хотя новелла «Желтые обои» признана типичным отчетом о послеродовом психозе, сенсорные переживания героини не были подвергнуты соответствующему анализу. Описанный психотический опыт обычно интерпретируется как метафора порабощенности женщины социальными институтами того времени. Но вот что любопытно: хотя переживания автора занимают центральное место в истории, они преимущественно анализируются с точки зрения их спекулятивного социально-политического значения (более одного миллиарда страниц в поиске *Google*), а не присущей им субъективной природы. Героиня осмысливает свой галлюцинаторный опыт так же, как и все мы: мы что-то знаем, потому что видели, слышали, чувствовали, обоняли или пробовали это на вкус. Читатель знает, что за обоями нет никакой ползающей женщины, и все же рассказчица не кажется «безумной» в общепринятом смысле этого слова. Данная история показывает, насколько близок может быть к психозу человек, помещенный в запертую комнату и лишенный всякого доверия. Большинство ученых и критиков упускают из виду один очень важный нюанс: автор, вероятно, страдала психозом еще до того, как ей предписали «лечение покоем», т. е. до того, как она столкнулась с ужасами полной изоляции. В остальной части этой главы мы поговорим о том, как человек интерпретирует мир через органы чувств и почему ощущения – та самая нить, которая питает ткацкий станок понимания и памяти.

Мы настолько привыкли к тому, что без ощущений не бывает воспоминаний, что даже не задумываемся об этом. Трудно поверить, но человечеству потребовались сотни лет, чтобы понять фундаментальный факт, который сегодня кажется очевидным: органы чувств посылают в мозг специфические сигналы, благодаря чему человек может усваивать и классифицировать новую информацию и в конечном счете формировать связное представление о внешнем мире. История связи чувственного опыта и памяти восходит к научной революции, случившейся четыре-пять веков назад.

Если раньше память рассматривали как статическое хранилище знаний, то теперь в ней прежде всего видели динамичный живой опыт.

Неудивительно, что новая концепция столкнулась с яростным противодействием. Она зародилась в XVI и XVII веках, на заре современного научного мышления. Коперник, а затем Галилей предположили, что Земля – это не центр Вселенной, а лишь маленькая планетка, вращающаяся вокруг Солнца. Фактически это вычеркивало Землю из креационистской догмы Церкви³, доминировавшей в человеческом мышлении в течение полутора тысяч лет.

Та же самая догма, которая отрицала физическую науку, препятствовала и развитию идей о научении и памяти. Мужчины – женщины не считались – черпали свои знания не из информации, поступающей из окружающего мира: предполагалось, что все знания даны Богом и хранятся в душе. Так, человек состоял из двух элементов: Богом данной души и материального тела. Идея души, не связанной с телом, существует с тех пор, как возникла философия.

Платоновское разделение на тело, разум и душу было заложено в IV веке до нашей эры и стало непреходящим шаблоном для категоризации человеческого опыта. Позднее платоновская триада разума, тела и души была преобразована в сопоставимые христианские триады – например, Бог-Отец, Бог-Сын и Бог-Святой Дух. Будучи своего рода интеллектуальной модой, подлинным духом времени, она в той или иной форме пронизала целые эпохи и отчасти сохранилась до сих пор.

Новая дихотомия: психика – мозг

Открытие нейронных основ ментального опыта повлекло за собой стирание границ между мозгом и телом. Хороший пример – общий паралич душевнобольных (ОПД). В XIX веке лица с этим диагнозом составляли до 25 % всех пациентов психиатрических учреждений. Симптомы рассматривались как особый тип безумия – так называемое «нравственное помешательство», вызванное беспорядочной половой жизнью. В 1880-х годах было установлено, что ОПД – это заболевание мозга, вызванное последней стадией сифилиса, и после открытия пенициллина в 1950-х годах лечение таких больных взяли на себя терапевты. В результате открытия бледной трепонемы – возбудителя сифилиса – болезнь перекочевала из сферы психиатрии в сферу инфекционной медицины. На протяжении истории культурные идеи часто использовались для объяснения психических заболеваний, и эта смесь мифа и науки до сих пор продолжает вносить путаницу в психиатрию. Возьмем эпилепсию: сначала этим заболеванием занимались психиатры, а затем, когда были обнаружены его истинные причины, неврологи. Необъяснимый психический опыт, по-видимому, сперва находит прибежище в психиатрии и только после соответствующих научных открытий переносится в «органическую» медицину.

Сегодня то же самое происходит с психозом, который постепенно переходит из расстройства «психики» в категорию болезней «мозга». Психика, в любом понимании этого двусмысленного слова, – сущность мозга. Психика представляется в высшей степени субъективной и мистической, но, как мы увидим далее, и мозг в высшей степени индивидуален и сформирован уникальными переживаниями и связями, присущими каждому человеку. Более современный пример переноса расстройства из психиатрии в неврологию – анти-NMDA-рецепторный энцефалит¹. Это заболевание обычно сопровождается психотическими переживаниями – слуховыми галлюцинациями или паранойей – и двигательными расстройствами. В результате таких больных часто направляют в психиатрические клиники. Энцефалит означает воспаление мозга; в случае анти-NMDA-рецепторного энцефалита воспаление вызвано антителами, направленными против мозговой ткани. Чаще всего наблюдается поражение NMDA-рецепторов, представленных в мозге в большом количестве. Антитела – это защитные белки, вырабатываемые иммунной системой. Обычно синтез антител инициируется чужеродными организмами, такими как вирусы, бактерии или донорские органы, но иногда иммунная система продуцирует так называемые аутоантитела, атакующие собственные ткани, что приводит к

аутоиммунным нарушениям. При анти-NMDA-рецепторном энцефалите иммунная система вырабатывает антитела к NMDA-рецепторам на нейронах, а поскольку NMDA-рецепторы присутствуют всюду, возникает воспаление мозга – энцефалит. Образование антител против собственного организма – «аутоиммунитета» – приводит к повреждению ткани-мишени, которая идентифицируется иммунной системой как чужеродное тело, наподобие бактерии или вируса⁴. Как только в 2007 году удалось установить подлинную причину анти-NMDA-рецепторного энцефалита, он был переведен в сферу неврологии. Со времен открытия этой формы психоза многие исследователи писали о том, что это не психическое, а неврологическое заболевание². На сегодняшний день аутоиммунный компонент обнаружен во многих формах шизофрении³. Чем больше мы узнаем, тем больше убеждаемся в том, что мозг и психика – неделимое целое. Перенос анти-NMDA-рецепторного энцефалита из психиатрии в неврологию, несмотря на схожесть его клинических проявлений с другими формами психоза, обычно воспринимается больными как положительный. Для большинства людей неврологический диагноз лучше психиатрического.

Феномен третьего глаза

Разграничение разума (психики) и мозга уходит своими корнями в начало летописной истории. Всегда существовала некая символическая репрезентация «разума» или «души» – то, что я называю феноменом третьего глаза.

Сегодня мы испытываем благоговение перед открытиями нейронауки, а не перед культурными мифологиями, которые объясняли опыт человеческого бытия раньше. Когда моей дочери Роуэн было лет тринадцать, ей приснился странный сон. Она проснулась в подавленном состоянии и позвала меня и своего брата. Мы сидели на ее кровати и слушали, как она рассказывает самые яркие эпизоды своего сновидения – такие, которые сновидец обычно может описать в деталях, прокручивая зрительные образы сразу после пробуждения. В самой запоминающейся сцене моя дочь находилась в лодке с женщиной, возможно со мной. Лодка раскачивалась на волнах. И она, и женщина пытались грести к земле, которая казалась совсем недалеко, но расстояние не уменьшалось: лодка словно стояла на месте. Неожиданно из моря выползла большая улитка. Каким-то образом она оказалась в центре лба девочки и начала медленно ввинчиваться ей в голову. От ужаса Роуэн проснулась.

Проанализировав этот сон, я пришла к выводу, что Роуэн превратила мистический образ «третьего глаза» в необычный образ улитки. За 3000 лет до нашей эры данный символ был известен в египетской мифологии как Глаз Гора и прошел через века, став глазом Шивы в восточной мифологии, а в современной мистике – третьим глазом. За тысячелетия этот символ, прежде олицетворявший мужские качества провидца и защитника, трансформировался в образ, в наше время пропитанный смутными идеями о негласной женской мудрости, передаваемой из поколения в поколение. В этом контексте улитка Роуэн может быть истолкована как метафора страхов девочки, развивающейся в женщину. Во время плавания по бурному морю – классический символ переходного периода – происходит нападение третьего глаза. Моя интерпретация иконографии может быть надуманной, хотя мне, признаться, весьма импонировала идея о ее прозорливых опасениях по поводу традиционного женского наследия и его потенциально разрушительного воздействия на мышление.

Сон Роуэн был спровоцирован не мистическим приобщением к скрытой мудрости, а, казалось, проистекал из страха перед этой мифологией.

**Из сновидения о третьем глазе я сделала два важных вывода:
во-первых, процесс приобретения знаний пропитан мифологией, а**

во-вторых, эти образы универсальны, будь вы христианин, индуист, буддист, мусульманин или ирландский подросток-атеист.

Сегодня третий глаз часто изображают в виде сосновой шишки: считается, что за мудрость отвечает шишковидная железа. Железу назвали так из-за ее сходства с *pinea* – по-латыни «сосна». Она расположена в горизонтальной плоскости между глазами (там, где очутилась улитка Роуэн), но спрятана в глубине мозга.

В первом веке нашей эры знаменитый Гален, вероятно, первый в мире ученый-врач, определил шишковидную железу как вместилище души/разума. Он считал (и был совершенно прав), что в основе человеческих переживаний лежат телесные процессы. Он не верил в нематериальную душу и вместо нее искал объяснение опыту в человеческом мозге. Сейчас взгляды Галена могут показаться смешными и наивными, но в то время они представляли собой дерзкое отступление от общепринятой точки зрения, согласно которой душа и разум отделены друг от друга – душа принадлежит Богу, а разум индивиду.

В XV веке Леонардо да Винчи объединил культурные представления о душе и разуме и провозгласил местом их соединения головной мозг. В результате в понятии о душе произошел существенный сдвиг. Если раньше душу отождествляли со странствующим духом, обитающим в человеческом теле и покидающем его в момент смерти, чтобы либо отправиться в загробный мир, либо поселиться в другом теле, то теперь в ней видели нечто, что было непосредственно связано с разумом в мозге. Иными словами, в душе стало меньше духовного и больше плотского, меньше «Бога» и больше «человека».

Сегодня мы знаем, что шишковидная железа – это довольно примитивная структура, в основном задействованная в секреции мелатонина. Мелатонин очень важен в мире птиц, овец, лошадей и коров: это гормон, который выделяется в зависимости от количества света. У животных он способствует секреции репродуктивных гормонов и обеспечивает рождение птенцов, ягнят, жеребят и телят в теплое, светлое и самое плодородное время года, когда шансы на выживание потомства наиболее высоки. У человека мелатонин участвует в цикле «сон – бодрствование», но в остальном не оказывает заметного влияния. Шишковидная железа – непарная структура, что встречается крайне редко, поскольку почти все остальное спарено. Она спрятана в глубине мозга и, по сути, представляет собой любопытный пережиток системы естественной регуляции фертильности.

Зарождение науки о мозге

После Леонардо в понимании мира произошла настоящая революция. На смену креационистским взглядам Церкви пришли универсальные законы физики, которые могли объяснить множество явлений. Все происходящее с нашей планетой, включая ее движение по орбите, совершалось не по воле Бога или богов, а в соответствии с основными законами физики. Земля больше не была центром Вселенной; постепенно возникло предположение, что, возможно, и человек подчиняется некоторому набору научных принципов. Заменяя сверхъестественное естественным, наука непреднамеренно подрывала церковную догму.

В XVII веке Рене Декарт попытался устранить разрыв между Церковью и наукой, предложив философский принцип *дуализма*. Он утверждал, что душа нематериальна и дана Богом; субстанция, из которой она состоит, отличается от субстанции, из которой состоит тело: душа – это эфир, а тело – плоть и кровь. Согласно Декарту, мозг выступал своего рода центром материального тела, но был отделен от нематериальной души. Эта теория «дуализма» обеспечила первое псевдонаучное объяснение того, что позже трансформировалось в современное разделение психики и мозга. Хотя великий философ объединил разрозненные идеи о физике и знании и внес определенную строгость в мешанину религиозных и научных представлений

того времени, материальные чувственные переживания он ставил на второе место. Невидимая душа, совершенная и сотворенная по образу и подобию Божию, получила превосходство над чувственным, капризным телом. Группа философов, выступавших против теории Декарта, считала, что знание приобретается через опыт, прежде всего через органы чувств. Те, кто видел источник всякого знания в ощущениях, получили название сенсуалистов. Здесь мы подходим к самым истокам интеллектуального спора о природе знания: одни полагали, что знание (со строчной буквы «з») приобретается через материальные чувства; другие верили, что Знание (с прописной буквы «З») присуще человеку с рождения, ниспослано Богом и вложено в нематериальную душу. Сенсуалисты, оспаривавшие взгляды Декарта и видевшие истинного творца знаний не в Боге, а в человеке, считались еретиками. За свои убеждения одни поплатились жизнью, другие – свободой.

Сегодня установлено, что человек познает мир через научение. Однако спор о происхождении знания касался не только вопроса о том, кто прав: сторонники Декарта, полагавшие, будто Знание дарует Бог, или последователи сенсуализма, утверждавшие, что знание извлекается из чувственного опыта (научения). Помимо научно-философского аспекта, эта дискуссия имела важнейшее политическое и социальное значение. Идея о том, что Бог наделяет высшим Знанием определенных людей – например папу, который считался непогрешимым, или монархов, которые были помазанниками Божьими, – давала абсолютную власть Церкви над мирянами, монархии – над простолюдинами, мужчинам – над женщинами и так далее. Разумеется, заинтересованные стороны активно боролись за поддержание этого мифа о врожденном превосходстве – каждый на своем уровне. Конкурирующие притязания потенциальных носителей врожденного Знания влекли за собой конфессиональные расколы, свержение одного корыстного монарха за другим, противостояние Церкви и Государства. Тысячи людей погибли во время войн, тысячи – из-за обвинений в ереси. Вера в Знание, данное Богом, предполагала, что знание не может быть усвоено, а значит, один человек не может быть потенциально равным другому.

Борьба, которая продолжалась на протяжении шестнадцатого и семнадцатого веков, не утихает и по сей день: подобно Везувию, она готова вспыхнуть в любой момент. Хотя сенсуалисты рассуждали в основном с философской и гуманистической точек зрения, именно они, на мой взгляд, заложили интеллектуальные основы современной нейронауки. Отвергая идею врожденного Знания, они ратовали за человеческий потенциал и стали первыми гуманистами, проповедовавшими идеалы личной свободы и избавления от тирании. «Ощущение как исходный материал для знания и памяти» по праву можно считать первой главой в истории нейронауки и современного движения за права человека.

Вопрос Молинию

В XVII веке спор о том, является ли знание врожденным или приобретается через опыт, разгорелся с новой силой. На этой дискуссии следует остановиться подробнее. Во-первых, она показывает, насколько бессмысленно спорить о таких вещах, как, скажем, сколько ангелов может станцевать на булавоочной головке: с развитием медицинской науки подобные вопросы отпадают сами собой. Другая причина, по которой я рассказываю эту историю, заключается в том, что дебаты проходили на территории Тринити-колледжа в Дублине, в котором я работаю. Дискуссия была инициирована Уильямом Молинию (1656–1698), в то время сотрудником Тринити-колледжа, и Джоном Локком (1632–1704), знаменитым английским врачом и философом. Локк – один из самых известных философов XVII века, выступавших против понятия картезианской души и врожденного Знания. Он не побоялся бросить вызов максимам властвующей элиты, согласно которым Знание дается людям Богом и, более того, дается им пропор-

ционально их статусу. Локк писал, что при рождении ум есть *tabula rasa* (чистый лист)³. Всякое знание приобретается «при помощи обычных познавательных способностей», ибо человек воспринимает и запоминает мир через сенсорную информацию. В то время философия охватывала многие дисциплины, в том числе политику, медицину, психологию, естественные науки, физику и математику. Некоторые из дискуссий, проведенные Философским обществом, основанным Молинью, по своей тематике больше подходят Институту нейронаук Тринити-колледжа, где я работаю.

7 июля 1688 года Молинью написал письмо Локку и задал ему вопрос, который позже стал известен как задача Молинью. Речь шла о гипотетическом человеке, который родился слепым и научился «видеть» предметы на ощупь. Вопрос заключался в следующем: если вдруг этот человек обретет зрение, сможет ли он различить их на вид? В качестве примера Молинью привел шар и куб, которые незрячий человек научился распознавать на ощупь. Но способен он опознать куб и шар, не прикасаясь к ним?

Оба подошли к этой загадке с философской точки зрения. Если прозревший слепец сможет уловить разницу между шаром и кубом при помощи зрения, значит, визуальное знание присутствует в его уме изначально, то есть дается при рождении. Если же, с другой стороны, он не увидит разницы, значит, зрительная память и знание приобретаются через опыт. В таком случае научение возможно только через наблюдение. Следовательно, человек знает только то, что он усвоил через органы чувств.

Локк и Молинью правильно рассудили, что слепой не сможет отличить шар от куба *только по виду*, поскольку знание не является врожденным, но приобретается через зрение и осязание отдельно. Окончательно разрешить задачу Молинью удалось только в следующем столетии, когда хирургическая коррекция врожденной катаракты, наиболее распространенной формы врожденной слепоты, стала общедоступной. Оказалось, что такие люди в самом деле не могут отличить куб от шара с помощью одного только зрения. Отсюда следует, что человек не воспринимает визуальный мир автоматически. Зрительные образы шара и куба должны быть усвоены на ощупь, потому что именно так незрячий пациент научился *осмысливать* объекты. В 1993 году в журнале «Нью-Йоркер» была опубликована ныне знаменитая статья «Видеть и не видеть» Оливера Сакса, известного невролога и популяризатора медицины. В статье речь шла о человеке, которого Сакс называет Вергилием и который обрел зрение в 55 лет. Все, что Вергилий видел в первый раз, от собственного дома до мира природы, было ему незнакомо. Что касается задачи Молинью, отмечает Сакс, Вергилий не мог отличить шар от куба. При рождении человеческий ум действительно представляет собой чистый лист; все наши знания и воспоминания формируются исключительно под влиянием чувственного опыта.

Здравый смысл

На примере задачи Молинью мы видим, как медицинская наука сумела трансформировать неразрешимые философские дебаты в однозначное практическое знание. Это была, как мне кажется, первая крупная победа нейронауки над косным и суровым миром. Идея о том, что органы чувств питают мозг, создавая индивидуальную базу знаний, получила широкое распространение в XVIII веке. Во второй половине того же столетия она активно обсуждалась во влиятельных интеллектуальных салонах, большинством из которых руководили женщины⁵. Подобные взгляды разделяло столько людей, что самое популярное сочинение того века, написанное Томасом Пейном и опубликованное в 1776 году, называлось «Здравый смысл». Этот политический памфлет был пропитан идеями приобретаемого чувственного знания и оказал огромное

---

³ Концепция *tabula rasa* была впервые предложена Аристотелем в дохристианские времена.

влияние на содержание американской Декларации независимости, принятой несколько месяцев спустя. В «Здравом смысле» Пейн приводит убедительные аргументы в пользу естественного равенства между людьми. В основе этого сочинения, безусловно, лежал ключевой постулат сенсуализма: все мы являемся конструктами приобретенной сенсорной информации.

Историко-философские представления о познании, духовности, душе и разуме сохранились до сих пор. Разделение человеческого опыта и функций на «тело, разум и душу» продолжает пронизывать большинство культур. Общим знаменателем всех этих религиозных и духовных систем служит имплантированное или внешнее знание, третий глаз, сила за пределами личности. Нейронаука увлекательна для нас не только потому, что помогает понять себя, к чему мы испытываем ненасытный интерес, но и потому, что освобождает нас раз и навсегда от феноменов третьего глаза. Как ни странно, нейронаука еще не проникла в культуру психиатрии, как можно было ожидать. До сих пор бытует мнение, будто психиатрия занята не столько мозгом, сколько гипотетической областью разума/духа. Для меня, как для психиатра, дуализм – это враг, независимо от того, какой именно это дуализм: тела и мозга, мозга и психики, тела и души, рассудка и эмоций. Границы между этими искусственными областями рушатся, стоит только осознать, что мы воспринимаем мир *только* через органы чувств и осмысливаем его через всепроникающие межнейрональные связи (это выражение я позаимствовала у Даниэль Бассетт, известного врача и нейроученого⁴).

Интернализация мира осуществляется благодаря пяти чувствам – зрению, слуху, осязанию, вкусу и обонянию. Соответствующие органы непрерывно посылают сигналы в сети памяти. Тактильные или зрительные ощущения, например, позволяют нам усваивать разные формы, формируя относительно простые знания, на которых в дальнейшем строятся более сложные понятия. Помимо внешних сигналов, в мозг поступает сенсорная информация изнутри тела, порождающая целую гамму чувств от простых эмоций до сложных чувственных состояний. Чувственный опыт – основной исходный ингредиент, который питает мозг: тот субстрат, на котором основана всепроникающая система межнейрональных связей. Память – это, по сути, бесконечно сложная нейронная репрезентация сенсорной информации, перенесенной в мозг.

Научение через органы чувств

Медленный процесс научения через органы чувств можно увидеть на примере развития младенцев и их обучения чувственному миру. Признать за младенцем так называемые интуитивные знания, которые на самом деле представляют собой автоматическую обработку приобретенных знаний, достаточно трудно, но только не в том случае, если мы допускаем, что ребенок развивается через чувственный опыт. Нас умиляет его незнание вещей, которые нам, взрослым, кажутся очевидными: чего стоят одни только вопросы типа «Когда папа вырастет таким же маленьким, как я?», игры в «ку-ку», простодушие и искренность эмоциональных реакций. Существуют целые армии нейроученых, исследующих, как дети учатся через зрение, звук, осязание, обоняние и вкус. Как метко выразился один из ведущих специалистов по психологии развития, «дети ничегошеньки не знают». Такова современная итерация *tabula rasa* Аристотеля и Локка⁶.

Более убедительный пример непосредственно вытекает из задачи Молинию. Прозревшим взрослым, таким как Вергилию Оливера Сакса, предстоит усвоить, что представляет каждый зрительный образ – в противном случае они утонут в потоке визуальной информации, которую не в состоянии обработать. По этой причине пациенты, которые недавно обрели зрение, содержатся в зрительно обедненной среде и лишь постепенно знакомятся с миром образов. Это не должно удивлять, если вы знаете, что в основе всякого научения лежит ощущение. Когда мы

говорим, что *видим* что-то, мы имеем в виду, что видим образ, который наш мозг интерпретирует как некий предмет. Вы видите кубик Рубика или теннисный мяч, и легко можете отличить их друг от друга – вам не нужно прикасаться к ним, чтобы решить, что есть что. Вы *знаете* разницу между кубом и шаром. На самом деле, когда вы говорите, что видите кубик Рубика или теннисный мяч, вы хотите сказать: «Опыт подсказывает мне, что предмет, на который я смотрю, – это кубик Рубика (теннисный мяч)».

То, что мы называем восприятием, неразрывно связано с памятью: способность видеть включает в себя и способность непосредственно заметить объект, и способность идентифицировать образ.

Это возвращает нас к цитате Бергсона 1896 года, с которой я начала эту главу: «Всякое восприятие уже есть память».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.